

УДК 821.511.111 (470.22)

МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В РОМАНЕ А. ТИМОНЕНА «МЫ КАРЕЛЫ»

О. А. Колоколова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Анализируются особенности рецепции евангельского мотива «блудного сына» в романе А. Тимонена «Мы карелы». Мотив реализуется через христианские символы и образы произведения, образ блудного сына раскрыт через судьбу крестьянского сына Васселея.

К л ю ч е в ы е с л о в а: финноязычная литература Карелии XX века, мотив «блудного сына», христианские категории.

O. A. Kolokolova. THE “PRODIGAL SON” THEME IN A. TIMONEN’S NOVEL “WE ARE KARELIANS”

The paper analyses how the evangelic theme of the prodigal son is adopted into A. Timonen’s novel “We Are Karelians”. The theme is realized through Christian symbols and images of the story, the image of the prodigal son is embodied in the fate of Vasselei, a peasant’s son.

Key words: Finnish-language literature of the 20th century Karelia, the “prodigal son” theme, Christian categories.

Мотив «блудного сына» – один из наиболее распространенных в русской литературе евангельских сюжетов со времен древнерусского периода вплоть до XX века. Особенно часто встречается он в литературе прошлого столетия в период войн и революций, потери веры, жизненных ориентиров, поисков и сомнений. Проблема рецепции этого евангельского мотива достаточно полно освещена в критической и научной литературе на материале творчества как русских писателей, так и писавших на других языках России. Представляется важным исследовать этот мотив также в литературе Карелии, что ранее не рассматривалось в виде самостоятельной проблемы. Сложная судьба многих представителей карельского и финского народов в годы революции и гражданской войны связана с оставлением отчего дома, ро-

дины, чувством утраты смысла жизни, вины, невольного предательства. Это послужило материалом для создания ряда произведений карельскими писателями, в том числе романа «Мы карелы» (1969 – на фин. яз; 1971 – пер. Т. Сумманена) А. Тимоненом, известным писателем Карелии, карелом по национальности, писавшим на финском языке.

Не утверждая сознательного привлечения текста евангельской притчи к сюжету романа А. Тимонена, считаем возможным рассмотреть образ «блудного сына» на уровне важного мотива романа. Евангельские символы, являющиеся знаковыми в мировой культуре на протяжении многих столетий, по словам А. В. Чернова, «переходят на уровень архетипов, т. е. наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем,

бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [Чернов, 1994. С. 152].

Архетип «блудного сына» – один из основополагающих в человеческом сознании, как утверждает исследователь. Очевидно, причина универсальности материала кроется в особенностях самой евангельской притчи [Лк. 15:11-32]. Митрополит Антоний Сурожский указывал на ее глубокий смысл: «Она лежит в самой сердцевине христианской духовности и нашей жизни во Христе; в ней человек изображен в тот самый момент, когда он отворачивается от Бога и оставляет Его, чтобы следовать собственным путем в «землю чуждую», где надеется найти полноту, преизбыток жизни. <...> Прежде всего, это вовсе не притча об отдельном грехе. В ней раскрывается сама природа греха во всей его разрушительной силе» [Антоний Сурожский, 1976].

Таким образом, универсальный характер притчи наталкивает на размышления о жизненном пути человека и о духовном пути к Богу. Представляется важным провести анализ романа с точки зрения мотивов греха, потери отчего дома, странствия и духовного поиска. В своих воспоминаниях А. Тимонен пишет о том, что он хорошо знал тексты Священного Писания [Иванов, 1986. С. 42]. Напомним, что карельский народ является носителем христианской культуры, православие в Карелии было принято еще в XIII веке [Чистович, 1856]. Поэтому можно предположить, что в творчестве писателя библейская тема имеет особое значение: включение в художественное полотно романа христианских образов, символов, героев, живущих по законам христианской морали.

Но на каком бы языке ни творили советские писатели, они не могли не учитывать контекст русской литературы, выросшей на почве христианской культуры. Связи романа А. Тимонена «Мы карелы» с такими произведениями, как «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова, налицо. К сожалению, мы не можем ввиду малого объема статьи остановиться на особенностях трансформации библейского мотива «блудного сына» в этих произведениях и на «фадеевских» и «шолоховских» реминисценциях в романе А. Тимонена. Но отсылка к этим текстам позволяет утверждать, что в карельской литературе архетип «блудного сына» также функционирует на уровне мотива (образа, символа и сюжета).

В романе описывается эпоха Первой мировой войны, революции и Гражданской войны 1917 года. Главный герой произведения – Васселей, житель деревни Тахкониemi, многие се-

мьи которой живут и воспитывают детей в христианской вере. Религиозны мать и жена Васселея, творящие ежедневную молитву о заступничестве за их сына и мужа. Но вера Маланиэ, матери героя, – особая, близкая народным представлениям, характер ее «взаимоотношений» с Богом типичен для женщины, измученной нуждой, бытом. На иконах видит она изображение «домашнего бога», которым «командует точно так же, как своими невестками, ворчит на него, как на любого из членов семьи, если что-то не так, благодарит его, если в доме все хорошо...» [Тимонен, 1974. С. 176]. Трагедия не только этой женщины, но и всего народа, – в ощущении того, что «бог совсем не всемогущий, он скорее беспомощный» [Там же. С. 176]. Чувство богооставленности, потеря веры – трагедия всего XX века. «Люди, где бог?» – спрашивает отец, глядя на своего убитого предателем Мийтреем сына [Там же. С. 45].

Человеком этого времени овладевает состояние отчужденности, потери жизненных ориентиров. Неслучайно одним из главных мотивов в романе становится мотив пути и поиска. Именно он и открывает повествование: мать перевозит в лодке сына через озеро, где их внезапно настигает буря, предвестница беды, бесповоротно изменившей их жизнь. Озеро, которое покрывает «медленная зыбь, словно память о прошедших бурях или предвестие новых ненастий», ассоциируется с рекой жизни, образ которой возник еще в античной философии Гераклита и значим для мировой культуры в целом. Здесь же этот мотив зеркально отражен в судьбе Васселея. Самые тяжелые и горькие годы его жизни связаны со скитаниями вдали от отчего дома.

В евангельской притче, покидая отца, сын совершает грех не только предательства, но и нарушения заповеди «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20:12). Мытарства Васселея начинаются с совершенного им страшного греха – не отступничества от отца, но убийства невинного человека (отомстил за смерть брата, убил по ошибке не причастного к преступлению человека). С этого момента начнется одиссея героя – вечный путь возвращения: во время своих скитаний он постоянно стремится домой. Потеря отчего дома сопровождается и потерей веры. Но, в отличие от новозаветного героя, у Васселея изначально определены главные ценности: дом и семья.

Его судьба связана со странствиями, скитаниями. Мир насильно разделен на два лагеря: свои и чужие, и герой постоянно находится в си-

туации выбора. Однако Васселей делает выбор не в пользу партии или национальной принадлежности, для него важны другие ценности – родной дом, семья, крестьянский труд. Даже во время битвы у Васселея нет ненависти к врагам, он размышляет о том, что у тех, кто поневоле оказался его противником в бое, тоже есть мать, невеста, родной дом, где их ждут. Герой, испытывая христианское чувство сострадания, крестится над убитыми солдатами.

Размышляя о грехе убийства, о совершенных им на войне поступках, о подвиге и предательстве, Васселей предается воспоминаниям о прошлой мирной жизни, раскаивается и сожалеет о тех днях, когда обидел жену, был жесток к ней. Хотя, по мнению критиков [Карху, 1974; Иванов, 1986], характер Васселея не достигает необходимой глубины раскрытия, отметим, что в романе звучит необычайно важный мотив очищения души.

В христианстве существует категория памяти, имеющая довольно большое значение в изучении человеческого естества. В православии существуют понятия памяти смертной и памяти грехов. О памяти смерти писал Иоанн Лествичник: «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общезжитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение печений, непрестанную молитву и хранение ума. Впрочем сии же самые добродетели суть и матери и дочери смертной памяти» [Иоанн Лествичник, 2001. С. 82–86]. Память выполняет очищающую и исцеляющую функцию, она необходима для осознания своих грехов, покаяния, духовного трезвения.

Памятование своего жизненного пути помогает осознать грехи, проанализировать свои поступки, с духовной силой и трезвостью сердечной посмотреть на совершенные дела, свои мысли и чувства.

Таким образом, в романе представлена трагичность потока времени, скоротечность и изменчивость земной жизни человека, необратимая, разрушающая сила рока. Вряд ли можно говорить о преображении души героя, столь истерзанного и измученного, но несомненно, память, как свидетельство о прошлом, позволяет оценить ему свой жизненный путь и способствовать его стремлению к покаянию и перемене.

Страстно желающий вернуться домой Васселей, как и другие герои (и предатель Мийтрей, и Кириля, и Сашка, и другие солдаты, и Кайса-Мария), мечтает о достатке, мирной жизни на

родной стороне. Описание пира, устроенного отцом по возвращении сына, который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» [Лк. 15:31–32], имеющее особое значение в притче, по иному показано в произведении. «Чего только у них не будет, когда Васселей вернется домой, а Пекка станет большим! <...> А она, Анни, только и будет, что из избы в амбар бегать, своих мужиков кормить», – мечтает жена Васселея [Тимонен, 1974. С. 10]. Но произошло все далеко не так, как мечталось женщине. Напомним, что в честь возвращения блудного сына отец закалывает тельца. Этот эпизод особым образом представлен в романе.

В святоотеческой традиции заклание тельца трактуется как искупительная жертва Господа Иисуса Христа. «Кто есть упитанный «телец», закалаемый и едомый, это не трудно понять. Он есть, без сомнения, истинный Сын Божий. Поскольку Он Человек и принял на Себя плоть, по природе неразумную и скотоподобную, хотя и наполнил ее собственными совершенствами, поэтому назван Тельцом. Телец Сей не испытал ярма закона греховного, но есть Телец «откормленный», поскольку определен на сие Таинство прежде создания мира» [Феофилакт Болгарский]. «Этот Телец – Сам Господь, Который выходит из сокровенности Божества и от находящегося превыше всего престола, и как Человек, явившись на земле, как Телец закалается за нас грешных, и как насыщенный Хлеб предлагается нам в пищу. <...> Когда пришел (Господь), Он не пришел призвать праведников, но грешников к покаянию, и особенно ради них распинается Взятый на Себя грех мира; ибо благодать преизбыточествовала там, где умножился грех» [Григорий Палама, 1994. С. 39].

В романе мотив заколотого тельца также связан с невинной жертвой. Несколько раз встречается в романе описание коровы или теленка как символ надежды той или иной обедневшей семьи (первая часть главы III носит название «Как ветрами телку унесло...»). Но с убийства солдатами коровы Онтиппы и Маланнэ начинаются горести и опустение родного дома: умирают родители, покидают Карелию их невестки с детьми. Этот же мотив появляется при описании дома Кирилы, товарища Васселея, жизнь которого также наполнена горестями и испытаниями. Предметом раздора хозяина с непрошенными гостями, солдатами, стал телок, единственная надежда на выживание и пропитание голодающей семьи. Кирилу, не позволившего заколоть и забрать теленка, солдаты уводят из дому, и он вынужден скитаться вдали от дома, чтобы сохранить свою

жизнь. За стенкой же умирает от голода безвинный младенец, вторая дочь Кирилы. Это стало последней каплей для Васселея. Измученный разлукой с домом и семьей, истерзанный чувством вины перед своим народом, отказавшись от оружия, он погибает от руки предателя Мийтрея. Но смерть настигает его на родной земле: «Васселей остановился. На мгновение замер, словно раздумывая, упасть ему или нет, потом медленно-медленно стал опускаться, словно выбирая место, куда удобней лечь.

– Примешь ли меня, земля карельская?

Облачком взметнулся сухой снег, неслышно осыпаясь на тело Васселея» [Тимонен, 1974. С. 457].

Таким образом, конфликт между Васселеем, для которого главные ценности – семья и дом, и сторонниками социальной, политической борьбы трагически разрешается смертью героя. Мотив «блудного сына» реализуется через христианские образы и символы в романе, сюжетные параллели с евангельской притчей, что позволяет судить о значимости мотива в произведении.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Колоколова Ольга Алексеевна
аспирантка
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: kolokolowa.olg@yandex.ru

Источники и литература

Антоний Сурожский. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> свободный. Яз. рус. (дата обращения: 09.04.2013).

Библия / Пер. Св. Синода 1876 г. М., 2007. 1337 с.

Григорий Палама. Беседы: в 3 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1994. Т. 1. 230 с.

Иванов Вс. Щедрость: Очерк жизни и творчества Антти Тимонена. Петрозаводск: Карелия, 1986. 71 с.

Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001. 352 с.

Карху Э. Г. В краю «Калевалы». М.: Современник, 1974. 223 с.

Тимонен А. Мы карелы. М.: Советский писатель, 1974. 504 с.

Феофилакт Болгарский. Толкование на Лк. 15 [Электронный ресурс]. URL: <http://feofilakt.ru/свободный>. Яз. рус. (дата обращения: 09.04.2013).

Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151–158.

Чистович И. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1856. 154 с.

Kolokolova, Olga

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru